

Последняя из известных у нас (к концу 1959 г.) работ Д. Ангелова и М. Андреева — обширные примечания к упоминавшемуся уже выше исследованию В. Ганева о «Зако́не судном люде́м» (София, 1959 г.). Но сколько-нибудь подробный анализ этих примечаний возможен только в связи с разбором всего текста публикации, что, естественно, выходит за рамки данного обзора. Здесь достаточно сказать, что примечания по существу повторяют основные положения об общем характере и особенностях болгарского права IX в. из второго издания «Истории болгарского государства и права» и, несомненно, во многом помогают читателю правильно оценить работу В. Ганева.

Как видим, даже краткий обзор книг и статей Д. Ангелова и М. Андреева, опубликованных ими в 1951—1959 гг., убедительно свидетельствует о плодотворности исследований этих ученых в области истории политического строя и права в болгарских землях в период феодализма.

Н. Н. Леман

FREDDY THIRIET. LA ROMANIE VENICIENNE AU MOYEN ÂGE.

**La développement et l'exploitation du domaine
colonial vénitien
(XII—XV siècles). Paris, 1959, 471 p.**

Книга Фредди Тирье посвящена истории венецианских колониальных владений, но автор ограничил свою задачу и территориально, и хронологически. Его интересуют только венецианские владения в пределах Романии, под которой он понимает Пелопоннес, Аттику, Фессалию с Эпиром, Македонию и Фракию, а также островной мир, расположенный в морях, омывающих эти части Балканского полуострова. Венецианские владения в Истрии, Далмации, Албании, на Сирийском побережье лежат вне сферы его внимания, и даже Кипр и владения венецианцев на Черном море затрагиваются им лишь отчасти. Историю венецианских владений в Романии автор начинает с очень раннего времени, с XI в., но доводит ее только до конца XV в., лишь изредка, в связи с отдельными вопросами, заглядывая в XVI и XVIII столетия. Наиболее подробно характеризуется автором венецианская колониальная политика на Крите и сравнительно мало затрагиваются вопросы других колоний венецианской Романии, что объясняется как особой важностью Крита среди венецианских владений, так и состоянием источников, относительно богатых для истории Кандии и бедных для истории других венецианских колоний. Независимо от всего этого, избранная автором тема очень обширна и включает большое число разнообразных вопросов, некоторые из которых и доныне остаются сугубо дискуссионными. Работа Ф. Тирье является в исторической литературе третьим обобщающим трудом по истории венецианских колониальных владений после обстоятельных, но отчасти уже устаревших книг англичанина У. Миллера¹ и весьма тенденциозного сочинения итальянского историка Бруно Дудана².

Автор рецензируемой книги много работал в венецианских архивах, дважды совершил путешествие по районам средневекового греко-латинского мира, изучил опубликованные источники и обширную литературу

¹ W. Miller. The Latins in the Levant (1204—1566). London, 1908; idem. Essays on the Latin Orient. Cambridge, 1921.

² B. Duda. Il dominio veneziano di Levante. Bologna, 1938.

по истории Византии и Венеции, а также ряд монографий и статей по истории отдельных венецианских владений в Рومании. Плодом его занятий был ряд интересных и важных публикаций, относящихся к источникам по истории Венеции и ее колониальных владений: такова его статья о неизданных хрониках по истории Венеции, хранящихся в венецианских архивах ³, регистры различных постановлений венецианского Сената, касающихся колониальных дел в пределах Рومании ⁴. Изданию рецензируемой книги предшествовал ряд этюдов по рассматриваемым в ней и смежным вопросам ⁵ и краткий очерк по истории Венеции, написанный для популярной серии «Que sais-je?» ⁶ Эта большая подготовительная работа позволила автору дать хорошо документированное историческое сочинение, в котором читатель встретит ряд верных и интересных положений, живых описаний и впервые публикуемых текстов. Автор интересуется экономикой венецианских колоний, особенно их ролью в торговле Венеции, стремится проникнуть в глубь социальных отношений в венецианском колониальном мире. Это в особенности относится ко второй и третьей частям работы, где речь идет о венецианских колониальных владениях в XIII—XV вв.

Книга Ф. Тирье хорошо оформлена, снабжена несколькими картами, многочисленными картограммами, фотографическими снимками с тех мест, где происходили рассматриваемые в ней события. Это также относится к ее несомненным достоинствам.

Несмотря на все это, мы не можем согласиться с автором в области некоторых общих и многих частных вопросов, которые он затрагивает в своем труде. Остановимся сначала на вопросах общего характера.

* * *

Для историка-марксиста прежде всего неприемлемыми являются методологические позиции автора. Ф. Тирье, работа которого посвящена эпохе расцвета феодальных отношений в странах Восточного Средиземноморья, понимает феодализм как явление прежде всего политическое. На эту социально-экономическую формацию он смотрит глазами историка стран, которые отличала крайняя политическая раздробленность в X и последующих веках. По его мнению, феодальные отношения были связаны с разложением монархии Карла Великого (стр. 110), а не наоборот, как это было в действительности. Он берет под сомнение, правда, в довольно осторожной форме, существование феодальных отношений в Византийской империи, выводя их некоторые элементы (которые там, по его мнению, все-таки существовали) из волеизъявления государственной власти в лице василевсов (стр. 110, 111) ⁷. Следуя за Дж. Луццатто, сочинения которого он высоко ценит и широко использует, Ф. Тирье отрицает наличие феодализма в Венеции (стр. 121) ⁸. Это заблуждение

³ F. Thiriet. Les chroniques vénitiennes de la Marcienne et leur importance pour l'histoire de la Romanie gréco-vénitienne. Mélanges L'Ecole française de Rome, t. 66. Paris, 1954.

⁴ «Regestes des délibérations du Sénat de Venise concernant la Romanie», vol. I, 1329—1399.

⁵ Sui dissidi sorti tra il Comune di Venezia e i suoi feudatari di Creta nel Trecento («Arch. Stor. Ital.», 1956) Les lettres commerciales des Bembo et le commerce vénitien dans l'Empire Ottoman à la fin du XV siècle. Mélanges offerts à A. Saporì, vol. II. Milano, 1957.

⁶ F. Thiriet. Histoire de Venise. Paris, 1952.

⁷ «En fait, cette féodalité, si féodalité il y a, procédait de l'Etat et du basileus et de lui seul» (p. 111).

⁸ «Toute forme de féodalité est-elle impensable à Venise, tant pour des raisons sociales, que pour des raisons politiques» (p. 121).

приводит его к некоторым весьма сомнительным или прямо неверным положениям. По его мнению, парики на землях государства, прониаров и вотчинников в Византии вообще и на Крите в частности не являлись тем, чем были сервы и вилланы на Западе (стр. 117). Термины венецианских источников *feudatarii* (владельцы феодов), *cavallarie* (феодалные владения, обязывавшие их владельцев нести военную службу на коне), которыми в венецианских источниках характеризуются феодальные отношения на Крите, не должны, по мнению автора, «вводить нас в заблуждение»; «Коммуна не создает на острове феодальных баронов» (стр. 127). Ф. Тирье отрицает наследственные тенденции в истории венецианского прониарного землевладения и утверждает, что наследственной пронию сделали французы и венецианцы, действовавшие по западным образцам (стр. 110, 111).

Автор склонен преувеличивать роль отдельных исторических личностей и преуменьшать роль социальных сил в истории. Он переоценивает, например, роль и значение Якопо Тьеполо, бывшего сначала дукой Крита, затем подеста в Константинополе и, наконец, дожем в Венеции. Он как будто не замечает того, что Тьеполо был лишь удачливым исполнителем требований того общественного класса, к которому принадлежал, и следовал политике венецианского патрициата, венецианских феодалов, арматоров и купцов (стр. 36, 88, 93, 98). Соглашения Венеции с отдельными феодалами трактуются автором как соглашения с местным населением, массы которого, конечно, не принимали в этих соглашениях никакого участия; таковы, например, соглашение с сеньерами Негропонта (стр. 210), переговоры с феодалами и патрициатом города Корфу (стр. 211), отношения, сложившиеся в XV в. на Крите (стр. 301).

Вызывает сомнения предложенное автором деление на фазы колониальной политики Венеции. Первый период — с конца XI столетия до 1204 г. — назван им этапом «экономического проникновения», второй период, охватывающий XIII и первую половину XIV в., — «фазой империалистической» и наконец, время с середины XIV в. и далее — «фазой федеративной» (стр. 443, 444). Можно вполне согласиться с названием первого из этих трех периодов⁹, но уже большие сомнения вызывает название второго. Дело не только в том, что термин «империалистический» не является подходящим для эпохи феодальных отношений, но и в самом существе дела: создав в первое десятилетие XIII в. удачным «империалистическим» наскоком обширные колониальные владения, Венеция в XIII и первой половине XIV в. лишь защищала их, а в «федеративный» период усиленно занималась новыми захватами — Аргос и Навплия в 1388 г., Лепанто в 1407 г., Кипр в 1489 г. и т. д. Если автор в понятие «империалистический» вкладывает тот смысл, что Венеция в этот период грубой силой подавляла всякое сопротивление ее колониальной политике, то от этих приемов она не отказалась и в следующий, «федеративный» период, как это показал разгром восстания на Крите под начальством Сиффи Властоса в 1453—1454 гг. (стр. 430, 431). Еще меньше оснований считать, что венецианская колониальная политика со второй половины XIV в. вступила в «федеративную фазу». Несомненно, жестокая борьба на Крите не могла не образумить венецианского правительства — оно довольно скоро поняло, что ему выгоднее раскалывать

⁹ Автор настоящей рецензии в одной из своих работ, опубликованной в 1950 г., назвал этот период временем «мирного проникновения в сферу жизненных экономических интересов Византийской империи» («Восточная политика венецианской плутократии в XII в.». Уч. зап. Горьковского гос. ун-та, вып. 18, 1950, стр. 127).

действовавшие против него враждебные силы, переманивая на свою сторону феодалов¹⁰. Оно вынуждено было также делать некоторые уступки и критским крепостным¹¹; однако «федерализм» венецианского колониального управления заключался лишь в том, что к управлению начали привлекаться некоторые из местных феодалов, действовавших под строгим контролем Венеции. Эвбея, Крит, Корфу и другие острова и земли отнюдь не были самоуправляющимися единицами и еще менее могли претендовать, хотя бы в принципе, на равноправное с Венецией положение, а без того и другого условия «федерация» превращается в слово, лишенное всякого содержания. Сам автор до конца своей книги справедливо называет Венецию по отношению к своим колониям выразительным словом «владычица» (*la Dominante*).

Несостоятельной является и попытка автора объявить контроль над венецианской колониальной администрацией хорошим (стр. 202). То обстоятельство, что в течение двух лет в Венеции было проведено четыре судебных процесса против колониальных администраторов, о чем сообщает нам автор (стр. 202), едва ли говорит в пользу его тезиса. На колониальную администрацию можно было жаловаться, но метрополия интересовалась лишь жалобами, шедшими из среды поселенных на Крите и в других местах венецианских феодалов, а не угнетаемых ими масс местного населения. «Венецианцы на Крите, — пишет автор, — к местному населению относились враждебно... И это отношение враждебности и презрения соответствовало желаниям метрополии, которая хотела выслушивать жалобы лишь собственных сынов» (стр. 209).

Все эти соображения не позволяют согласиться с предложенным автором делением на фазы венецианской колониальной политики. Нам кажется более простым и правильным деление ее на три следующих периода: период мирного проникновения Венеции в сферу хозяйственной жизни Романии (до начала XIII в.); период относительной стабилизации колониальной империи, созданной в начале XIII в. (от начала XIII до второй половины XV в.); период упадка и потери венецианских владений на Востоке (со второй половины XV по первые два десятилетия XVIII в.).

Используя большое количество разнообразных источников, частично неопубликованных, автор склонен переоценивать известия поздних венецианских историков и хронистов, особенно таких, произведения которых или вовсе неопубликованы, или опубликованы частично. Он без колебаний верит Даниеле Барбаро в том, что только большинством в один голос Большой совет республики в 1224 г. отклонил проект перенесения столицы венецианской колониальной империи из Венеции в Константинополь, хотя это известие ничем не может быть подтверждено и появилось в XVI в. (стр. 92, 93). Он склонен вообще высоко оценивать сочинение Д. Барбаро, писавшего по заказу Светлейшей Синьории, и ставит в упрек ему лишь то, что он много «списывал и к тому же неудачно» (стр. 16), тогда как Барбаро не только списывал, но и очень многое выдумывал. Он верит также Цанкаруоло, повествующему, между прочим, о том, что в 1202 г., в момент, когда крестоносное войско начало собираться в Венеции, сюда явились послы Алексея III, убеждавшие венецианцев отказаться от помощи крестоносцам, хотя это известие не под-

¹⁰ Подробности см. в нашей статье «Народно-освободительное движение и классовая борьба на Крите в первые полтора столетия венецианского владычества» («Уч. зап. Горьковского гос. ун-та», вып. 46, 1958, стр. 40).

¹¹ Там же, стр. 47.

тверждается никакими другими данными (стр. 19). Между тем Цанкаруоло (XV в.) жил на Крите и не мог располагать никакими документами, которыми не могли бы пользоваться А. Дандоло и Лоренцо да Моначи, писавшие — один в Венеции, другой на Крите — столетием ранее. Тирье без всякой критики принимает известие М. Санудо Младшего (писавшего в начале XVI в.), что разрыв между Венецией и Византией, происшедший в 1171 г., был ликвидирован еще при жизни императора Мануила, хотя это известие противоречит сообщению А. Дандоло и бесспорным документам, находившимся в руках нашего автора¹². Данные хроники Каллерджи, написанной для прославления рода Каллерджи в XVII в., автор ставит едва ли не выше сведений Дандоло и Моначи, называя Каллерджи «лучшим путеводителем» по истории критских восстаний, происходивших в XIII и первой половине XIV в. (стр. 152).

Излишнее доверие к известиям поздних венецианских историков и хронистов приводит Тирье в отдельных случаях к широким, но ошибочным обобщениям. Один из разделов его книги под заглавием «Полвека экономического преуспеяния (1400—1450)» (стр. 410 и сл.) прямо навеян сообщением Ант. Моросини, цитатой из сочинения которого автор и начинает этот раздел. Моросини, живший в XV в., сообщает: «Наш остров Крит производит хорошую пшеницу, вино, мясо и сыр в огромном количестве (Innumera bel quantitate), равным образом хлопков, оливковое масло и в значительном количестве (bonamentase) сахар». Приняв эти слова за исходную позицию, автор, на наш взгляд, безуспешно, доказывает «экономическое преуспеяние» острова в первой половине XV в.¹³

Ф. Тирье склонен также преувеличивать значение для историка далекого прошлого личного обозрения тех мест, где некогда происходили описываемые им события. Нет сомнения, что такое знакомство с географической средой исторических событий очень полезно и даже совершенно необходимо, когда историк занимается изучением местных археологических памятников, но нельзя согласиться с автором, будто бы «нельзя написать действительно серьезную историю греко-венецианской Романии, не прибегая к непосредственному знакомству с теми районами, которые ее составляли». И это — «несмотря на большое богатство сведений, которые можно почерпнуть при систематическом использовании венецианских архивов и изучении хроник» (стр. 19)! Нельзя забывать того, что социально-экономические и политические явления лишь отчасти (и далеко не всегда) обусловлены действием географического фактора; к тому же современная географическая среда мало похожа на ту, которая была несколько столетий назад, не говоря уже о том, что знакомство с хорошим географическим описанием в значительной степени заменяет непосредственное знакомство с изучаемой местностью. Насколько нам известно, В. Гейд не совершал путешествия по странам Восточного и Западного Средиземноморья, но написал такую историю средиземноморской торговли в средние века, которая остается классической и поныне.

Мы должны указать, наконец, и на некоторые изъяны в богатой картографии рецензируемой книги. Картограмма, например, на стр. 98, которая должна изображать «дипломатию» дожа Якопо Тьеполо (1229—1249), вызывает некоторые недоумения. Во-первых, на картограмму нанесены пункты, договорные отношения с которыми возникли до того,

¹² Подробно об этом ниже, стр. 339. 340.

¹³ Об этом см. ниже.

как Тьеполо стал дожем Венеции, что отчасти видно из самой картограммы — Никея (в 1219 г.), Бейрут (в 1221 г.), Кония (в 1211—1220 гг.). Во-вторых, к дипломатическим достижениям Тьеполо отнесены связи, возникшие гораздо ранее, чем это указано в картограмме: договорные отношения с Александрией существовали уже в 1217 г., с Дубровником (на картограмме — Рагуза) дипломатические отношения возникли еще в X в., а может быть, и ранее ¹⁴, кабальный же договор был навязан Венецией Дубровнику в первый раз не в 1236, а в 1232 г.¹⁵; наконец, совершенно непонятно, почему на картограмме фигурирует Задар (на картограмме — Зара); Задар в сфере влияния Венеции находился с перерывами с конца X в. и, кроме того, не входил в состав венецианской Романии, как ее понимает автор. Есть мелкие недочеты на отдельных исторических картах: такова, например, карта на стр. 83, где представлены венецианские владения в Романии после раздела империи. Здесь острова Лемнос, Тинос и некоторые другие показаны как владения вассалов Венеции, в то время как на стр. 82 совершенно правильно указано, что владелец первого из этих островов (Навигайозо) был вассалом императора Латинской империи, а владельцы Тиноса, Гизи — вассалами Марко Санудо, в свою очередь бывшего вассалом сначала того же императора, а позднее — князя Ахейского.

* * *

От замечаний общего характера перейдем к рассмотрению каждой из трех составных частей труда Ф. Тирье.

В первой части, как уже было указано, Ф. Тирье дает краткий обзор первых веков венецианской истории и достаточно подробно описывает взаимоотношения Венеции с Византийской империей. Мы не можем не отметить в этом содержательном и интересном очерке некоторых положений, которые, на наш взгляд, не могут быть приняты безоговорочно.

Когда автор говорит о бегстве на острова лагун представителей земельной знати, непонятно, какие «капиталы» он имеет в виду, благодаря которым будто бы оживилась венецианская экономика, находившаяся в период варварских вторжений на крайне низком уровне. Мысль эта брошена автором вскользь (стр. 33) и не получила дальнейшего развития, из-за чего она теряет, естественно, всякую убедительность.

Первая попытка венецианской плутократии овладеть далматинским побережьем при доже Пьетро II Орсеоло изображается автором как борьба с далматинскими пиратами, в результате которой «возникла» никогда не существовавшая в действительности «венето-далматинская федерация под венецианским председательством» (стр. 35). Автор заимствовал эту мысль из многочисленных сочинений по истории Венеции, авторы которых стремились исторически «обосновать» права Италии на далматинское побережье ¹⁶. В действительности со второй половины X в. Венеция начала настойчиво проводить политику подчинения романо-славянских

¹⁴ См. нашу статью «Возникновение Адриатического вопроса» («Уч. зап. Горьковского гос. ун-та», вып. 43, 1957, стр. 103 и сл.).

¹⁵ См. нашу статью «К вопросу об установлении венецианской супрематии над Дубровником» («Научные труды Горьковского гос. пед. ин-та», вып. XIII, 1950, стр. 152).

¹⁶ Назовем некоторые из них: L. Galibert. Histoire de la république de Venise. Paris, 1847, p. 41; Eug. Musatti. Venezia e le sue conquisti nel medio evo. Verona-Padova, 1881, p. 94, 95; R. Cessi. Storia della repubblica di Venezia, vol. I—II. Milano—Messina, 1944—1946, p. 90.

городов сначала Истрии, а потом и Далмации. Некоторые из членов этой выдуманной «федерации», попав в когти крылатого льва св. Марка, отчаянно боролись против венецианского господства — достаточно вспомнить длинный ряд восстаний Задара. Поход венецианского дожа в последний год X в. явился наглядным осуществлением программы предстоящих территориальных захватов, за которые Венеция будет упорно бороться в XI в. с хорватскими королями, а в XII в. с венграми ¹⁷.

Автор полагает, что Венеция по хрисовулу императора Алексея Комнина не получила права беспопылиной торговли на всем протяжении империи, а только в пунктах, специально перечисленных (стр. 39). Однако в хрисовуле 1082 г. отнюдь нет такого ограничения; здесь мы читаем: «Он (император) позволил им (венецианцам) торговать всеми товарами во всех частях империи», а перечисление отдельных географических пунктов заканчивается словами: «проще говоря, во всех землях под властью нашей благочестной милости» ¹⁸. Анна Комнина, со своей стороны, передавая общий смысл этого документа, говорит: «τὴν ἐμπορίαν αὐτῶν ἀζήμιον ἐποίησεν ἐν πάσαις ταῖς ὑπὸ τὴν ἐξουσίαν Ῥωμαίων χώραις»... ¹⁹

Нам кажется, что автор преувеличивает значение одного из терминов императорских хрисовулов, где венецианцы называются *δούλοι*, в латинских текстах *recti et veri duli, dilectissimi duli*. Это — чистая формальность, условность канцелярской терминологии, за которой не кроется ничего реального (стр. 39, 49).

Торговые и иные привилегии в городах на сирийском побережье Венеции получила не в 1122 г., после морского сражения с египетским флотом, как думает автор (стр. 41), а в 1100 г., после взятия Кайфы, в период первого похода венецианского флота в воды Восточного Средиземноморья ²⁰.

Автор утверждает, что в борьбе между папой Александром III и Фридрихом Барбароссой Венеция оставалась нейтральной (стр. 50). В действительности политика Венеции была гораздо более сложной: сначала она была против Фридриха в союзе с Ломбардской лигой, а затем она вместе с архиепископом майнцским Христианом, командовавшим войсками Фридриха, осаждала Анкону, которую поддерживали лига и император Мануил ²¹.

Автор, несомненно, прав, когда он отвергает господствующее в исторической литературе мнение, что мир между Византией и Венецией, нарушенный в 1171 г., был восстановлен в 1175 г., но надо признать безусловно ошибочным его точку зрения, согласно которой восстановление мира последовало в 1179 г. — еще при жизни императора Мануила.

Для доказательства этого автор ссылается на хроники А. Дандоло и Марино Санудо Младшего (прим. на стр. 53), очевидно, не замечая, что их известия взаимно исключают друг друга. Сделаем сопоставление этих известий.

¹⁷ Н. С о к о л о в. Возникновение Адриатического вопроса, стр. 106, 107, 108.

¹⁸ Urkunden zur älteren Handels- Staatsgeschichte der Republik Venedig..., hrsg. von G. L. Fr. Tafel und G. M. Thomas. Fontes rerum austriacarum. Diplomata et Acta (далее — FRA, DA), Bd. XII. Wien, 1856, p. 53: «et simpliciter in omnes partes sub potestate nostre pie mansuetudinis».

¹⁹ Ibid., p. 49.

²⁰ См. нашу работу «Восточная политика венецианской плутократии в XII в.», стр. 112, 113.

²¹ Там же, стр. 140.

А. Д а н д о л о

«Умирая, Мануил поручил опеку над наследником империи порфирородным Алексеем Андронику; но этот, презрев потом клятву, удушил Алексея и сам стал императором. Андроник, желая укрепить положение империи и расположить к себе венецианцев, по просьбе дожа освободил купцов, схваченных Мануилом, и обещал возместить убытки ежегодными взносами»²².

М а р. С а н у д о

«В то время (речь идет о времени после интронизации дожа Орио Мастропьеро, т. е. после 1178 г.) Мануил константинопольский, к которому были направлены послы, заключил мир с венецианцами, освободил заключенных из тюрем, обещая возместить и убытки».

В высшей степени странно, что автор предпочитает известие, идущее от хрониста XVI в., данным такого первоклассного источника, как хроника А. Дандоло, писавшего двумя столетиями ранее, имевшего в своем распоряжении документальные материалы во всей возможной тогда их полноте, их тщательно изучавшего и систематизировавшего.

Желая во что бы то ни стало спасти известие М. Санудо Младшего, автор придумал такую версию: мир был заключен в 1179 г., но он-де плохо соблюдался. «Этот договор соблюдался плохо,— пишет он на стр. 53,— без сомнения, потому, что потерпевшим венецианцам надо было выплатить слишком много денег, и Мануил мало заботился о том, чтобы вернуть их в свои владения». Обосновывается этот домысел ссылкой на документ 316 из известного собрания документов по венецианской торговле в XII и XIII вв. А. Ломбардо и Мароцца делла Рокка²³. В этом документе будто бы говорится о том, что Леонардо Цорцани и Дж. Кайзоло были арестованы в Спарте в июне 1180 г. (прим. 3 на стр. 53). Автор не изучил латинский текст документа, ограничившись его итальянским заголовком, в противном случае он узнал бы, что в июне 1180 г. названные лица не были арестованы в Спарте, а давали клятвенные показания на Риальто в пользу нескольких купцов, торговавших оливковым маслом, и что слышали они подтверждаемые ими слова в пользу этих купцов тогда, когда «тою зимой мы были арестованы в Спарте наместником константинопольского императора»²⁴. Значит, арест имел место зимой, которая названа «тою зимой» без указания года, но, очевидно, не зимой и тем более не летом 1180 г. Такой аргументацией обосновать вывод автора нельзя: Леонардо Цорцани и Дж. Кайзоло были жертвами арестов 1171 и последующих годов — это доказательство не в пользу мира 1179 г., который якобы плохо соблюдался, а, скорее, против него, так как неизвестно, когда и при каких обстоятельствах этим двум венецианцам удалось выбраться из Спарты.

Для решения вопроса о том, был ли заключен мир при Мануиле (в 1175 или 1179 г.), или при Андронике (в 1182 или 1183 гг.), т. е. правли М. Санудо или А. Дандоло, в руках нашего автора были бесспорные документы, но он не воспользовался ими надлежащим образом, а пред-

²² Автор неправильно указывает место из «Хроники» Дандоло; в действительности это сообщение находится не в 260, а в 309 колонке «Хроники» по изданию Л. А. Муратори (L. A. Muratori. Rerum italicarum scriptores, t. XII). Сочинение М. Санудо — в том же издании, т. XX, кол. 521.

²³ «Documenti del commercio veneziano». Torino, 1940, vol. I—II.

²⁴ «Nos eramus in illo iberno a Lacedemonia quando retenti fuimus a bajuli imperatoris Constantinopolitani».

почел следовать по стопам Шаландона и Бесты, у которых этих документов не было. Документ 348 из того же собрания торговых документов прямо говорит о том, что мир с Византией не был заключен и в 1181 г., но была перспектива на предстоящее его заключение²⁵. Наш автор знает этот документ, даже ссылается на него (стр. 54), не изучив, по-видимому, как следует его содержания. Более того, он сам приводит еще один документ, который также опровергает версию о заключении мира с Мануилом в 1179 г. Это — договор с Пизой от октября 1180 г., который, как пишет автор, «запрещает пизанцам отправляться из Венеции в Романию до тех пор, пока будет существовать состояние войны между Коммуной и василевсом» (прим. 3 на стр. 53).

На странице 54 автор уже правильно говорит о заключении Венецией мира с Андроником в 1183 г. и о том, что Андроник не только обязался возместить причиненный венецианским купцам в 1171 г. ущерб, но и начал выполнять это обещание и что венецианские купцы не могли пострадать во время «латинского погрома» в 1182 г. Однако недостаточное внимание к источнику и здесь приводит автора к ошибочным замечаниям. Он утверждает, ссылаясь на документ 336 из упомянутого сборника, что и в 1183 г. греческие власти продолжали преследовать венецианских купцов. Тирье пишет: «В январе 1183 г. купеческий корабль, следовавший из Коринфа в Константинополь, был захвачен византийской галерой, а груз конфискован» (прим. на стр. 54). В действительности в 1183 г. ничего подобного не было. Текст документа 336 гласит: «Мы, Энрико Витале да Маццародо и Джакомо Бадоев, свидетельствуем, что некоторое время тому назад (*quondam retro tempore*), когда мы на корабле следовали из Коринфа в Константинополь, по распоряжению константинопольского императора подошла к нам галера и захватила нас со всеми нашими товарищами (*nostri socii*), которые были на названном выше корабле, и привели нас и весь наш груз в Родосто, где он и оставался в полном его (императора) распоряжении». Показание это названные выше лица дают в 1183 г. на Риальто, в Венеции. Таким образом, документ говорит все о том же разгроме венецианцев императором Мануилом в 1171 г., и освобожденные к 1183 г. купцы дают в Венеции различные показания по старым торговым делам. Совершенно такой же документ мы имеем от мая 1183 г. (см. № 338), где другой купец, Дж. Джусто, говорит еще яснее: «Удостоверяю. . . , что некоторое время назад (*quondam recto tempore*), после того как венецианцы по распоряжению императора Мануила были захвачены во всех землях Романии, я подвергся заключению в Спарте, и тогда же (*tunc temporis*) Вивiani Фальеро, который таким же образом был подвергнут заключению, обратился ко мне и Аркадию Барбо. . . , который находился там же (*Qui ibi similiter erat*). . . » (далее речь идет о старых операциях по торговле оливковым маслом).

Из всего этого можно сделать только один вывод: автору, в руках которого были все необходимые данные для того, чтобы похоронить легенду о восстановлении нормальных отношений между Византией и Венецией при Мануиле, следовало покончить с ней, а не пытаться подкрепить ее неправильно истолковываемыми данными документов.

Едва ли правильным является упрек Тирье в адрес венецианцев, не воспрепятствовавших английскому королю Ричарду захватить остров Кипр, как это, по мнению автора, следовало сделать на основании обязательств по договору с Исааком от 1187 г. (стр. 56). Венецианцы брали

²⁵ См. нашу работу «К вопросу о взаимоотношениях Венеции и Византии в последние годы правления Комнинов». ВВ, V, 1952, стр. 149, 150.

на себя по этому договору обязательство защищать лишь владения Исаака, которому Кипр уже не принадлежал, так как ещё при Андронике мятежный феодал Исаак Комнин захватил этот остров и провозгласил себя императором ²⁶. Кроме того, Исаак Комнин, владея островом, находился в союзе с Саладином и, следовательно, являлся одновременно противником и Ричарда, и Венеции, флот которой принимал участие в Третьем крестовом походе ²⁷. Тирье называет захват Кипра началом раздела империи (стр. 56) — скорее, это было началом ее феодального раздробления.

Автор проводит резкую грань между политикой Исаака Ангела и политикой его брата Алексея в отношении Венеции, считая политику первого благоприятной для республики св. Марка и приписывая второму «систематическое благоприятствование генуэзцам, пизанцам и дубровчанам за счет венецианцев» (стр. 56). Это неверно: договор Венеции с Алексеем III был не менее благоприятным для венецианцев, чем договор с его предшественником, а конкуренты Венеции по-прежнему не располагали теми привилегиями, которые она приобрела более ста лет назад.

Далее, он утверждает, что договор 1198 г. не способствовал «очищению отравленной атмосферы 1171 г.», и «венецианцы, подвергаясь постоянно дурному обращению, редко показывались в империи». Доказывается это ссылкой на незначительность числа документов, относящихся к венецианской торговле с Византией после 1198 г. Действительно, таких документов на время правления Алексея III приходится меньше, чем на предшествующее царствование, но доказательная сила таких сопоставлений очень невелика и требует дополнительной аргументации. Торговые документы XII и XIII вв. по разным причинам дошли до нас в малом количестве — об этом говорят издатели документов; это видно из того, что в среднем на один год правления Исаака приходится лишь восемь документов для торговых сделок всех видов, что, конечно, составляет лишь ничтожную долю действительно заключенных договоров и сделок. На время правления Алексея III в среднем на один год приходится пять документов. Значит ли это, что торговые обороты Венецианской республики за семь лет последнего десятилетия XII в. снизились по сравнению с предшествующим десятилетием на 37,5%, как это следует из такого сопоставления?

Другим доказательством является ссылка на активизацию военных действий Пизы против Венеции и появление ее в Адриатике. «Венецианцы, — пишет Тирье, — испытывали в Адриатике трудности, обязанные своим происхождением не только венгерскому давлению, но и наступательной политике пизанцев, призванных жителями восставшего Задара. Венецианцы полагали, что василевс не был чужд этой адриатической коалиции» (стр. 61). Здесь в немногих словах заключено очень много ошибочного: никакой адриатической коалиции в конце XII в. не существовало; Задар отразил нападение Венеции в 1187 г. при помощи венгров, но без участия Пизы, с которой он заключил договор в 1188 г. и которая тогда в водах Адриатики не показывалась; пизанские корабли появились здесь лишь в 1194 г. в связи с восстанием Пулы и были быстро отсюда изгнаны; в 1196 г. Венеция и Пиза заключили мирный договор; ареной новой вражды в 1201 г. были не владения Византии, а город Бари. Отсюда ясно, что у Венеции не было никаких оснований подозревать во всем этом Алексея III, тем

²⁶ L. de Mas-Latrie. Histoire de l'île de Chypre. Paris, 1861, vol. I, p. 4.

²⁷ W. Norden. Das Papsttum und Byzanz. Berlin, 1903, S. 121.

более, что Венеция уже целое столетие время от времени воевала с Пизой²⁸.

Для доказательства плохих отношений Венеции с Алексеем III автор указывает еще на то, что переговоры 1196—1198 гг. протекали «трудно», и договор «потребовал трех лет тяжелых переговоров» (стр. 59). Эта «трудность», однако, была обусловлена не отрицательным отношением Алексея III к Венеции, а самим существом переговоров. В это время Генрих VI готовился к экспедиции на Восток. Алексей III, естественно, хотел заручиться помощью Венеции на случай нападения германского императора на византийские владения, а Венеция, столь же естественно, не хотела связывать себя подобным обязательством. Смерть Генриха VI в 1197 г. обеспечила быстрое заключение договора между сторонами в 1198 г.

У нас нет достаточных оснований говорить о каком-то особом ухудшении отношений между Венецией и Византией накануне IV крестового похода. Установить это очень важно, так как историки этого похода, используя известное замечание Никиты Хониата, нередко выдвигают мнимо враждебные отношения между Венецией и Алексеем III в качестве одной из причин, толкнувших Венецию организовать поход на Константинополь²⁹.

Едва ли правильно Тирье считает XII в. «золотым веком» венецианских экономических связей с Византией (стр. 40). Эти отношения в XII в. испытали немало превратностей: с 1118 по 1126 г. венецианцы лишены были Иоанном Комнином торговых привилегий, которые были дарованы им хрисовулом его отца; в 1171 г. венецианские колонии на территории Византийской империи были разгромлены императором Мануилом, византийские порты на целых десять лет сделались недоступными для византийских торговых кораблей; не без затруднений налаживались отношения при Исааке и Алексее Ангелах; Пиза с 1111 г. и Генуя с середины XII в. пользовались в Константинополе и других городах империи значительными льготами, беспокоившими венецианских политиков, и с одной из этих республик Венеция несколько раз в течение столетия должна была вести вооруженную борьбу за преобладание в торговле с Византией.

Наконец, еще одно замечание по первой части книги. Автор не раз высказывает мысль о том, что не только венецианским, но и другим западным купцам был полностью закрыт доступ в Черное море (стр. 39, 62). Это, конечно, неверно: в «Слове о полку Игореве», появившемся во второй половине XII в., отмечается присутствие в Киеве венецианских купцов (пусть это доказательство косвенное, но есть и прямое: хорошо известен хрисовул императора Мануила, относящийся к 70-м годам этого же столетия, где специально оговаривается право генуэзских купцов посещать все порты Черного моря, кроме России и Матрахи)³⁰.

* * *

Предыстория IV крестового похода отнесена автором к первой части его труда. Мы рассмотрим ее в связи со второй его частью.

²⁸ См. нашу работу «Борьба Венеции за преобладание на Востоке с западными итальянскими республиками в XII и XIII вв.» («Уч. зап. Горьковского гос. ун-та», вып. 46, 1959, стр. 60, 61).

²⁹ Укажем для примера на книгу М. А. Заборова «Крестовые походы» (М., 1956, стр. 197).

³⁰ ММ, III, р. 35.

На наш взгляд, Ф. Тирье правильно лишает венецианских государственных деятелей начала XIII в. дара сверхчеловеческого предвидения, которым наделяют их сторонники составленного уже в 1201 г. (в Венеции или при ее участии) плана изменения направления Четвёртого крестового похода. Он пишет: «Мало вопросов возбудило столько дискуссий, как вопрос об изменении направления Четвёртого крестового похода, в котором некоторые историки усматривали задолго задуманную венецианскую махинацию» (стр. 64). Тирье отрицает это; по его мнению, венецианцы хотели лишь укрепить свои позиции в Константинополе, отнюдь не думая о его завоевании. «Завоевать Константинополь, — пишет он, — было непосильной задачей для небольшого купеческого города» (стр. 65).

Разделяя в целом этот взгляд, мы, тем не менее, должны возразить против некоторых положений автора.

Прежде всего, нельзя согласиться с таким его заявлением: «Крестовый поход возглавлялся представителями среднего слоя феодалов, которых толкал вперед на этот раз религиозный энтузиазм в гораздо большей степени, чем политические притязания или экономические выгоды» (стр. 67). Известно, однако, что участники Четвертого крестового похода настолько бесстыдно демонстрировали не религиозные, а именно политические и экономические цели, что некоторые буржуазные историки не считают возможным поместить этот поход рядом с другими крестовыми походами ³¹.

Автор утверждает далее, что «договор о перевозке ничего не говорит о цели похода». Из этих слов видно, что он не изучил текста этого договора, в противном случае он прочел бы там следующее: «Мы, Энрико Дандоло, божией милостью дож венецианский, далматинский и хорватский, выслушав вас, послов, познакомившись с представленными вами грамотами... и вспомнив о наших предшественниках, которые в свое время с большим успехом (*magnifice*) помогали Иерусалимскому королевству, за что, с соизволения божия, восприняли честь и славу, . . . возрадовались в глубине сердца своего». Несколько выше: «Зрело обдумав (предложение крестоносцев) и видя, что нет лучшего средства оказать помощь св. земле и сокрушить врагов её, как действовать с вами (крестоносцами) заодно, мы (венецианцы), по воле божией, берем на себя эту службу (транспортровка войск крестоносцев)» ³².

Правильно отмечая, что в договоре не было указано направление похода, автор рецензируемого труда объясняет это стремлением держать в тайне этот военный вопрос. Ссылаясь на Виллардуэна, который сообщает, что при переговорах в Венеции речь шла о походе в Египет, он пишет: «Это решение держалось в секрете» (стр. 68). С таким объяснением согласиться трудно: поход шумно готовился уже больше двух лет, сам папа и ряд проповедников похода не скрывали намерения сокрушить Египет, нанести удар в самое сердце мусульманского государства, державшего в своих руках Палестину. При таких условиях не имело ни малейшего смысла умалчивать о направлении похода из военных соображений в договоре, который опубликовывать не было никакой необходимости. Это умолчание, на наш взгляд, объясняется гораздо проще: крестоносцы и сами еще не знали, направятся они в Египет или в Сирию. Весной 1201 г. вопрос этот решен еще не был. Согласно Роберу де Клари, Бонифаций Монферратский обсуждает с баронами этот вопрос, причем во время позднейших споров, поднимавшихся в крестоносном войске о дальнейшем направлении похода, рядом с Каиром, Константинополем, Александрией

³¹ W. Stevenson. The crusaders in the East. Cambridge, 1907, p. 296.

³² FRA, DA, vol. XII, p. 365, 364.

упоминалась также и Сирия³³. Виллардуэн прямо указывает, что ряд французских баронов стоял за сирийское направление похода³⁴. Крестоносцы, не пожелавшие отправиться под Константинополь и не вернувшись обратно, направились в Сирию³⁵. Сам Иннокентий III, сторонник египетского направления похода, в одном из своих писем объявлял крестоносцам о том, что он не связывает их определенным направлением похода: «Мы позволяем вам вместе с ними (венецианцами) направиться морем или в землю сарацин, или в иерусалимскую провинцию»³⁶. Этот вопрос оставался нерешенным и для участников Пятого крестового похода, когда одна часть их направились в Сирию, а другая — в Египет. В свете этих фактов легко понять положение сторон, заключавших договор: послы баронов должны были просить венецианцев оставить этот вопрос открытым до того момента, когда крестоносное войско соберется в Венеции. У венецианцев не было никаких оснований возражать против этого, так как их «служба» определялась не пространством, а временем. Их злокозненность и скрытые планы, которые в связи с этим вопросом приписывались венецианцам³⁷, равно как и соображения военной конспирации, здесь были, надо думать, ни при чем.

Трудный вопрос о разделе империи автор трактует в основном правильно: он хорошо различает «бумажные» права Венеции по разделу византийского наследства и действительно полученные ею территории, удачно иллюстрирует те и другие картами (стр. 77 и сл.), отличает собственные владения Венеции от захватов венецианских феодалов, ставших ленниками империи. Однако и здесь не все его положения могут быть приняты безоговорочно. Неправильно его заявление, что венецианцы не стремились к захватам больших территорий на континенте (стр. 106), что «народ лагун» будто бы «мог питать только отвращение к политике, которая влекла за собою территориальные завоевания с последующей их перманентной оккупацией» (стр. 105). Стремление Венеции к таким приобретениям бесспорно: она получила большой комплекс земель во Фракии, проектировала присвоить себе значительные территории в Эпире, получила по разделу империи почти весь Пелопоннес. Если же она не овладела всеми этими территориями, то по причинам, от нее не зависевшим: из Фракии венецианцы были выбиты восставшими греками и войсками болгарского царя с его союзниками-половцами, Эпир был захвачен основателем деспотата Михаилом Ангелом, а Пелопоннес попал в руки Жоффруа Виллардуэна, племянника историка Жоффруа Виллардуэна — маршала Шампанского. Этому заявлению нашего автора противоречат также и такие факты дальнейшей колониальной истории Венеции, как захват Кипра, Пелопоннеса, Крита, обширные приобретения на итальянском континенте.

Мы считаем, что автор рецензируемой книги совершенно напрасно доводит до крайних пределов ошибку, которую мы встречаем у некоторых историков³⁸. Мы имеем в виду утверждение, что венецианцы в захваченном

³³ Robert de Clari. La prise de Constantinople. — C. H o p f. Chroniques gréco-romanes inédites ou peu connues. Berlin, 1873, p. 5, 11.

³⁴ J. Villehardouin. La conquête de Constantinople, ed. A. Pauphilet. Historiens et chroniques du Moyen âge. Paris, 1952, p. 115.

³⁵ Ibid., p. 110, 113.

³⁶ PL, vol. 215, col. 107, 108.

³⁷ G. F. Herzberg. Geschichte der Byzantiner und des Osmanischen Reiches. Berlin. 1883, S. 350; точно так же — следующий за Герцбергом М. А. Заборов (указ. соч., стр. 197, 198).

³⁸ E. Gerland. Geschichte des lateinischen Kaiserreiches von Konstantinopel. Hamburg, 1905, S. 58; C. Manfroni. Storia della marina italiana. Livorno, 1899, p. 494.

Константинополе стремились стать во главе всех восточных приобретений Венеции и даже оторвать колонию от своей метрополии. Указав на различные опасности, которые угрожали наследникам Византии на Востоке, (восстания греков, нападения болгар), Тирье пишет: «Но не в этом была самая большая опасность для Венеции. Она заключалась в сепаратизме, который не замедлил обнаружиться среди венецианцев на Востоке. . . Венецианцы, утвердившись в качестве хозяев на Леванте, обнаружили тенденцию оторваться от своего отечества, в покровительстве которого они, казалось, не нуждались». И далее: «Венецианской коммуне понадобилось 15 лет, для того чтобы полностью сломить этот опасный сепаратизм» (стр. 74).

Возражая против этого тезиса автора, мы должны рассмотреть аргументы, которыми он пользуется для его обоснования. Они немногочисленны и крайне шатки.

Энрико Дандоло умер 1 июня 1205 г. Венецианское войско поспешило избрать вождем Марино Дзено, который и принял часть титула умершего дожа, именно титул константинопольского подеста, властителя четверти и полчетверти Романии. Автор усматривает в этом узурпацию и сепаратистские тенденции; однако в Венеции не видели в этом ничего предосудительного, и когда там был избран дожем Пьетро Цини, он немедленно утвердил Марино Дзено в его звании, как об этом сообщает сам Тирье (стр. 79).

Марино Дзено был окружен советниками, сносился с императором и принимал участие в укреплении империей (стр. 80). Все это верно, но совершенно так же поступали и все константинопольские подеста и после 1219 г., когда, по мнению Тирье, с сепаратизмом было покончено.

Марино Дзено подтвердил ленные права некоторых венецианцев на пожалованные им ранее феодалы. Это произошло 29 июня 1205 г., когда дож еще не был избран, и подеста, естественно, считал себя в праве принимать такие решения.

Марино Дзено вместе с императором Генрихом инфеодинировал Адриано-поль Феодору Вране. Причиной этого был разгром венецианцев и крестоносцев под этим городом летом 1205 г. и очевидная невозможность для венецианцев держать в повиновении местное греческое население. Автор видит в этом проявление самовластия со стороны подеста, стремление к независимости от Венеции (стр. 80). Но, во-первых, у Тирье нет доказательств того, что это не сделано по прямому указанию из Венеции; во-вторых, 25 фунтов золота, которые по условиям контракта «обязан был ежегодно платить венецианцам Феодор Врана», должны были поступать в Венецию, а не в Константинополь; наконец, не только сам Врана, но и «все капитаны, которые будут в дальнейшем», и весь «народ адриано-польский» должны были принести присягу на верность дожу, а не константинопольскому подеста³⁹.

Сообщая о том, что константинопольский подеста Якопо Тьеполо в 1218—1219 гг. заключил соглашения с никейским императором и иконийским султаном от собственного имени, Тирье еще раз указывает на «автономистские тенденции константинопольских венецианцев» (стр. 89—90). Однако в письме Тьеполо, направленном дожу Пьетро Цини в том же 1219 г., тот сообщает ему, что он, подеста, действовал «в соответствии с теми указаниями, которые вы дали нам в вашем письме»⁴⁰.

³⁹ FRA. DA, vol. XIII, p. 18 sq.

⁴⁰ Ibid., p. 218.

Самым сильным аргументом в пользу тезиса Тирье надо считать грамоту от октября 1205 г., по которой Марино Дзено «уступает» Венеции из доставшегося ей византийского наследства все владения по берегам Ионического моря и остров Корфу. Грамота дает основание автору заявить следующее: «Акт освящает территориальный раздел венецианской Романии на западную часть, относимую к метрополии, и восточную, предназначенную для венецианцев Константинополя. Похоже было, что единство Венецианского государства было серьезно скомпрометировано» (стр. 81). Нам кажется, что если мы будем рассматривать грамоту не изолированно от всего хода событий и не с формальных позиций, то она не дает оснований для таких далеко идущих выводов. Грамота представляет собой заключительный этап раздела доставшихся Венеции «четверти и полчетверти» Романии. Восточные области были уже поделены — и, конечно, в первую очередь между участниками похода. Раздел был произведен не Марино Дзено, а дожем Энрико Дандоло, и продолжался он осенью и зимой 1204 г., весной и отчасти летом 1205 г., причем, как это видно из нашего документа, лены получили венецианцы и *homines, qui venerant in fidelitate et servitio domini Venetie ducis*, т. е. ленники, принесшие ленную присягу на имя дожа и послужившие ему, а не константинопольскому подеста⁴¹. Удовлетворив феодальные претензии видных участников похода, подеста и его советники нашли нужным передать западную долю византийского наследства для раздела между венецианцами, не принимавшими участия в походе, или какими-нибудь другими претендентами на это наследство. Этот шаг подеста и его советников тем более понятен, что западные территории еще не были в руках Венеции, их еще надо было завоевать, и среди новоявленных феодалов Востока не было охотников взяться за это, как потом оказалось, безнадежное дело. При таком понимании этого документа, а оно нам кажется единственно правильным, не может быть и речи о каком-либо константинопольском сепаратизме.

Мы рассмотрели все аргументы автора в пользу его теории; теперь остановимся на тех аргументах, которые говорят против нее и которые автор при рассмотрении данного вопроса игнорирует.

В документе от февраля 1206 г. Марино Дзено именуется себя «подеста в Константинополе по поручению и воле господина нашего Пьетро Цiani, божией милостью славного дожа Венеции, Далмации, Хорватии и повелителя четверти и полчетверти империи Романии»⁴². В документе от 1207 г. дож с тем же пышным титулом уступает рыбные ловли в Константинополе монастырю св. Георгия в Венеции⁴³. От 1209 г. мы имеем три документа, в которых Равано де Карчери и другие феодалы на Эвбее и Жоффрау Виллардэун на Пелопоннесе признают себя ленниками дожа Пьетро Цiani⁴⁴. В 1211 г. дож от своего имени направляет венецианских феодалов на Крит. В 1216 г. делаются новые уступки земель на Негропонте от имени дожа⁴⁵. В 1217 г. незадачливый «император» Пьер де Куртне подтверждает дожу все его права на владения в Романии и связанные с ними привилегии⁴⁶. В 1218 г. заключен договор дожа с Генуей, которым Лигурийской Республике были предоставлены определенные права на всей территории Романии⁴⁷.

⁴¹ Ibid., vol. XII, p. 570.

⁴² Ibid., vol. XIII, p. 4.

⁴³ Ibid., p. 47—48.

⁴⁴ Ibid., p. 89 sq., p. 96 sq.

⁴⁵ Ibid., p. 129 sq., p. 175 sq.

⁴⁶ Ibid., p. 194—195.

⁴⁷ Ibid., p. 202, 203.

Совершенно невероятно, далее, чтобы в тот момент, когда шла борьба за удержание захваченной добычи, захватчики стали в оппозицию к Венеции, откуда они только и могли черпать силы и средства для отражения всяких покушений на отнятые у Византии земли. Мы имеем здесь в виду войну с болгарами до 1207 г., которая едва не привела к гибели только что основанную империю, борьбу против итальянских феодалов, сподвижников Бонифация Монферратского, после 1207 г., первые столкновения с империей Ласкарисов около этого времени, опасность со стороны Генуи, исчезнувшую лишь в 1218 г. Став на точку зрения автора, трудно понять, почему в тот момент, когда все эти трудности миновали (в 1219 г.), новый подеста, Якопо Тьеполо, которого автор также заподозривает в сепаратистских тенденциях, вдруг круто изменил свою прежнюю позицию.

Нам думается, что никаких сепаратистских тенденций в новых владениях Венеции не было. Было другое: Венеция еще не имела достаточного опыта по управлению колониями. В своих владениях в Истрии, на островах Кварнеро и Далмации она или полагалась на органы местного самоуправления (в городах Триест, Пула, Ровинь), или инфеодировала свои владения собственным нобилем (на островах Црес, Раб, Паг), или, наконец, объединяла оба этих метода, ставя над городским самоуправлением своих комитов и епископов (Задар). Обстановка на Востоке была такова, что ни один из этих методов не отвечал нуждам момента. Первый константинопольский подеста совмещал в своем лице и дожа республики и, естественно, занимал здесь в 1203—1205 гг. исключительное положение. После смерти Энрико Дандоло суровая военная обстановка не допускала медлительных сношений с республикой и выборов там нового подеста — он был в лице Марино Дзено избран войском на месте, в Константинополе, и у венецианского правительства не было оснований возражать против этого. Некоторое время он выступал в стиле своего предшественника — отсюда его титул «доминатора четверти и полчетверти империи Романии». В Венеции еще не была создана стройная система управления новыми колониями, которую мы видим позднее; не было определенного порядка назначения колониальных магистратов, твердых сроков их пребывания у власти, не были определены их полномочия, не был выработан стиль их канцелярий. Неурегулированность взаимоотношений новых колоний с метрополией и канцелярскую неразбериху нельзя принимать за проявление политического сепаратизма.

Вопреки ошибочному мнению некоторых историков Венеции, склонных считать венецианские колонии убыточными для метрополии⁴⁸, Ф. Тирье правильно считает их экономически выгодными (стр. 221). При всем этом отдельные его суждения, относящиеся к колониальной политике Венеции, нуждаются в существенных поправках или дополнениях.

Выясняя причины упорной борьбы населения Крита против венецианского владычества, автор придает исключительное значение политическим причинам этой борьбы: до 1204 г., рассуждает он, местная знать, стратиоты и парики подчинялись императорскому правительству, «были *δούλοι* императора», теперь они оказались под властью венецианцев. «Именно здесь, — пишет он, — надо искать причину живого и глубокого сопротивления, оказанного греками победителям; нельзя указать никакой другой, действительно серьезной причины» (стр. 117). В связи с этим он придает большое значение интригам константинопольских императоров, особенно Михаила VIII и Андроника II (стр. 152, 153). Однако автор

⁴⁸ L. L u z z a t i. La rigolazione delle entrate e delle spese di Venezia (sec. XIII—XIV), 1936, p. X, XI.

в различных местах своей книги указывает и другие причины — «национальную» рознь, различия в быте и нравах, особенно религиозные различия (стр. 134, 139, 258, 259, 261, 296, 297). Единственное, чему он не уделяет должного внимания, — это классовые противоречия. Он склонен даже несколько идеализировать взаимоотношения между венецианскими феодалами и греческими крепостными: у него феодалы отстаивают интересы крепостных перед венецианским правительством (стр. 210). В действительности крестьянские массы видели в венецианских феодалах своих заклятых врагов, с которыми они были готовы бороться не на жизнь, а на смерть. Автор не ставит своей задачей изображать перипетии борьбы на Крите, иначе он должен был бы сообщить, например, такой факт: во время шестого восстания на Крите в районе Милипотамы была окружена большим венецианским отрядом группа восставших крестьян в 133 человека; только после того, как 120 из них были убиты, венецианцы смогли захватить остальных 13, а также 90 женщин и 40 детей; деревня, в которой началось восстание, была сожжена, и все захваченные в плен повстанцы перебиты⁴⁹. Этот и многие другие факты характеризуют классовую сторону битв на Крите⁵⁰. Вожди освободительного движения на Крите черпали свои силы в крестьянских массах, в их классовой ненависти к угнетателям — Венеции, выступившей в качестве коллективного сеньора, и тем более к отдельным венецианским феодалам.

В рассматриваемой части книги Ф. Тирье есть ряд неточностей. Остановимся на некоторых из них.

Автор утверждает, что в борьбе Фридриха II с папством Венеция держалась строгого нейтралитета (стр. 96). Этому противоречит, однако, договор между Венецией и Генуей от 1238 г., которым обе стороны обязались помогать друг другу и в течение девяти лет не входить ни в какие соглашения с германским императором без согласия на то его противника — папы⁵¹.

Тирье неправильно объясняет отказ венецианского правительства утвердить проект договора с Михаилом Палеологом от 1265 г., тем, что венецианские послы превысили свои полномочия (стр. 148). Действительная причина заключается в том, что в Венеции решили повременить с подписанием договора, так как появилась надежда на организацию похода для восстановления Латинской империи. Потребовалось почти три года для того, чтобы убедиться в ложности этой надежды, и тогда Венеция в 1268 г. подписала договор даже с несколько худшими условиями по сравнению с теми, которые ей предлагались в 1265 г.⁵²

* * *

В третьей части книги Ф. Тирье центральное место занимают проблемы венецианской колониальной политики. Для него вторая половина XIV и XV в. — время коренного перелома в этой политике; система управления приобретает «федеральный» характер, венецианцы и население колоний становятся на путь мирных отношений друг с другом (стр. 393, 394), бросается в глаза экономическое «преуспеяние» колоний, в частности Крита; один из заголовков этой части книги говорит о «полувеке экономического преуспеяния» (1400—1450 гг.).

⁴⁹ Fl. Cornelius. *Creta sacra. Venetiis*, 1755, vol. II, p. 310.

⁵⁰ Подробно об этом см. в нашей статье «Народно-освободительное движение и классовая борьба на Крите...», стр. 31 и сл.

⁵¹ FRA. DA, col. XIII, p. 342, 343.

⁵² Подробности — в нашей статье «Венеция и Византия при первых Палеологах» (ВВ, XII, 1957, стр. 80, 81).

О «федерализме» этого времени говорилось выше; у нас нет оснований согласиться с автором в этом вопросе.

Тезис о «мирном сожигательстве» венецианцев и греков во второй половине XIV и в XV столетии можно принять, но с некоторыми оговорками. Более широкое привлечение на службу республике местных феодалов, некоторые уступки крепостному крестьянству, быстро нараставшая турецкая опасность — сначала со стороны турок сельджукских, а позднее турок османских — несомненно способствовали некоторому смягчению взаимных противоречий, особенно если сравнить это время с полутора столетиями предшествующего периода. Однако преувеличивать «мирного сожигательства» не следует. Если венецианские феодалы и феодалы греческие чаще стали находить общий язык в своих взаимоотношениях, то этого нельзя сказать о порабоженном крестьянстве. Оно по-прежнему «всеми силами стремилось освободиться от оков серважа» (*Servitutis*)⁵³, и восстание под начальством Властоса в 1454 г., равно как и волнения, ему предшествовавшие, вовсе не было только результатом агитации «греческих священников», как об этом хотели думать в Венеции, а были выражением народно-освободительных тенденций и классовой вражды.

Гораздо больше сомнений вызывает вопрос об экономическом преуспевании венецианских колоний — хотя бы даже в первую половину XV в. Чтобы обосновать эти сомнения, необходимо рассмотреть ряд частных положений автора.

Тирье настаивает, прежде всего, на успешном развитии сельского хозяйства в венецианских восточных колониях и особенно на Крите (стр. 411 и сл.). Сельское хозяйство этой колонии стало, по мнению автора, давать не только большую, но и более разнообразную продукцию. Это могло произойти или за счет расширения площадей посевов, или за счет более совершенных методов обработки земли, или за счет того и другого вместе. Первое как будто действительно имело место: в сферу обработки была вовлечена обширная область Лассити в центральной части острова (стр. 413). Однако вопрос об этом был поднят, как сообщает сам автор, только в 1463 г., т. е. за пределами «полувека преуспевания», а в 1471 г. феодалы острова ходатайствовали о том, чтобы этот план был оставлен и равнина Лассити по-прежнему оставалась необработанной⁵⁴, как это и было в течение целого столетия по специальному решению венецианского правительства, которое видело в этом районе очаг постоянных крестьянских восстаний⁵⁵. Автор ничего не говорит о применении более совершенных орудий и методов обработки земли, так как того и другого быть не могло: феодалы по-прежнему вели свое хозяйство трудом крепостных крестьян с их жалким инвентарем, причем сам крестьянин оставался голодным и нищим. В 1462 г. феодалы Крита доносили венецианскому правительству: «Вилланы вынуждены питаться лесными травами, отчего многие из них погибли»⁵⁶. Нищенское положение непосредственного производителя не могло способствовать хозяйственному преуспеванию острова.

Обосновывая свой тезис, Тирье указывает на увеличение числа рабочих рук на Крите, хозяйство которого действительно страдало от их недостатка, но мы очень сомневаемся, чтобы такое увеличение действительно имело место и могло сказаться на хозяйственном развитии острова (стр. 413, 418).

⁵³ H. Noiret. Documents inédits pour servir à l'histoire de la Crète sous la domination vénitienne, 1380—1485. Paris, 1892, p. 256.

⁵⁴ Ibid., p. 515, 516.

⁵⁵ Fl. Cornelius, Op. cit., vol. II, p. 349.

⁵⁶ H. Noiret. Op. cit., p. 474.

В пользу своего утверждения автор приводит лишь различные общие соображения, вроде ввоза рабов, иммиграции на Крит беженцев с других островов, теснимых турками (стр. 413); однако известия, которые шли с Крита, говорят о другом. В 1444 г. в Венецию поступило следующее сообщение: «На нашем острове Крите большая часть земель остается необработанной, и это по той причине, что нет людей, которым их можно было бы инвестировать, нет земледельцев, которые их могли бы обрабатывать; причина тому чума и разные другие обстоятельства»⁵⁷. Приведенное известие относится к заключительным годам «полувека преуспевания» на Крите. А вот известие, относящееся к его началу: «Наш остров Крит, слабо населен вследствие недостатка людей, и по этой причине некоторые поместья остаются необработанными»⁵⁸. Из этих справок следует, что, с рабочей силой было плохо к началу периода «преуспевания» и стало еще хуже к его концу.

Для доказательства успешного развития сельского хозяйства автор приводит цифры вывезенной с Крита продукции и прежде всего хлеба (стр. 414). Взятые сами по себе, они ничего не говорят, так как не могут быть сопоставлены с количеством произведенной или вывезенной продукции в годы до «преуспевания» первой половины XV в. Кроме того, автор игнорирует способы, какими этот хлеб добывался. В только что цитированном письме критских феодалов, где сообщается о вымирании от голода крепостных крестьян, авторы письма просят снизить нормы хлебных поставок, так как они, феодалы, при существующих нормах лишены возможности помогать умирающим с голоду крестьянам. В другом письме (от 1471 г.) феодалы просят о том, чтобы размер хлебных поставок определялся не в $\frac{1}{3}$ от ожидаемого урожая, а в $\frac{1}{3}$ от того, что им удастся «выколотить из вилланов» (*excussimus a villanis*)⁵⁹.

Всё это дает основание думать, что венецианская колониальная политика так же мало способствовала сельскохозяйственному подъему острова в XV в., как и в предшествовавшие два столетия.

Нисколько не лучше положение было и в промышленности. Это до известной степени признает и сам автор: на стр. 322 и 325 он пишет: «Эра индустриального развития еще не наступила», «правительство мало заботилось о развитии промышленности»; но на стр. 417 и сл. он как бы забывает эти справедливые замечания и говорит о развитии производства сахара, квасцов, насаждениях масличного дерева. Однако его характеристика указанных видов производства не выходит за рамки данных, которые можно почерпнуть из решений венецианских учреждений о предоставлении монополий на производство этих товаров. Заметим прежде всего, что число соискателей на получение таких привилегий невелико — привилегии были предоставлены лишь трем лицам: одному — на производство сахара, другому — на добывание квасцов, третьему — на разведение масличного дерева. Кроме того предоставление монополий на производство еще не значит, что получившие их лица действительно развернули большую хозяйственную деятельность. У нас есть основание утверждать, что предприятия эти не имели перспектив для нормального развития — и прежде всего потому, что производство проектировалось организовать на основе подневольного труда. В ответ на ходатайство одного из предпринимателей (Марко Дзаноно) обеспечить проектируемое им предприятие рабочей силой венецианские власти обещали наказывать вольнонаемных

⁵⁷ Ibid., p. 409.

⁵⁸ Ibid., p. 54.

⁵⁹ Ibid., p. 516.

рабочих Дзанано, если те убегут от него, как беглецов с военных галер, и возвращать их снова на предприятие⁶⁰. Трудно при наличии таких данных согласиться с автором, когда он пишет: «Итак, капиталы с большой охотой и в широких масштабах обратились к сельскохозяйственной деятельности» (стр. 418).

Указав на значительное развитие сельского хозяйства и отчасти промышленности, Ф. Тирье подчеркивает развитие торговли с Романией, включая в это понятие и Константинополь с его все еще значительным торговым оборотом. Поскольку торговля Венеции с Романией носила преимущественно транзитный характер, играла посредническую роль в обмене между Западной Европой и Востоком, мы вправе ожидать значительного роста торговли этого вида, так как товарное производство Западной Европы быстро возрастало. Но именно потому, что эта торговля была преимущественно транзитной, ее развитие еще очень мало говорит о хозяйственном подъеме самой Романии, т. е. венецианских владений в ней. Конечно, торговля может способствовать развитию производства, но только в том случае, если это развитие тормозится трудностями сбыта; в венецианской же Романии дело обстоит как раз наоборот — она страдала от хронического недопроизводства, а в этом случае торговля не может оживить производство; путь к этому нужно искать в условиях самого производства.

Кроме этих общих соображений, нам кажется ошибочным самый метод, которым пользуется автор для доказательства развития торговли метрополии с ее колониями в Романии. Работа в венецианских архивах дала в его руки большое количество цифрового материала, относящегося к торгам в связи с арендой вооруженных государственных галер для транспортировки товаров в восточные порты. Это дало ему возможность составить обширные таблицы с указанием числа галер, отправляемых в те или иные порты или районы Востока, и сумм фрахта, установленного на торгах, с расположением всех этих данных по отдельным годам XIV и XV вв. (стр. 421 и сл.). Увеличение числа судов, отправляемых в те или другие пункты, рост фрахтовых сумм дают основание, по его мнению, для заключения о росте торговых оборотов; но это заключение было бы правильным лишь в том случае, если бы все прочие условия в отдельные годы были равны, а этого как раз и не было.

Условия торговли в водах Восточного Средиземноморья постоянно менялись — достаточно пересмотреть вторую часть второго тома известного «Дипломатария» Томаса, чтобы убедиться в этом⁶¹. В 1403 г. христианской лигой заключается договор с султаном османлисов Сулейманом, где центральное место занимает вопрос о свободе торгового судоходства в водах Восточного Средиземноморья (№ 159). В том же году дука Крита заключает договор о свободе торговли и мореплавания с одним из сельджукских эмиров Али-беем, чьи военные суда грабили венецианских купцов (№ 160). В 1411 г. заключается договор с султаном османских турок Мусой, который считал для себя необязательным договор, заключенный его братом (№ 164). После длительных враждебных действий в 1430 г. с Мурадом II заключается мир, которым венецианцы думают обеспечить свободу торговли (№ 182). В 1446 г., после нескольких лет враждебных действий, Венеция заключает мирный договор с Мухаммедом II, сыном Мурада (№ 198).

⁶⁰ См. нашу рецензию на книгу Дж. Луццатто «Очерки экономической истории Венеции» («Средние века», вып. X, 1957, стр. 252).

⁶¹ *Diplomatarium Veneto—Levantinum* (1351—1454). Pars II (ed. Thomas—Preddelli). Venetiis, 1899. Далее (в скобках) будут называться номера документов.

Не были достаточно устойчивы и взаимоотношения Венеции с Египтом, Дамаском и Алеппо, как это показывают документы того же «Дипломатория» (№ 191, 193, 194, 195, 205 и др.). На эти отношения известное влияние оказывала и политика принципиальных противников «сарацин» — пап, стремившихся или вовсе запретить торговлю венецианцев с «сарацинами», или ограничить ее как определенными видами товаров, так и в отношении числа галер, направляемых в восточные порты (№ 113, 118, 125, 133 и др.). Время от времени пиратские набеги сельджукских, а позднее и османских турок превращались в настоящее бедствие, особенно в то время, когда между венецианцами и турками начинались враждебные действия.

Таблица нашего автора дают представление о судодвижении лишь одних государственных галер, в то время как в венецианской торговле большую, если не решающую, роль играло частное судоходство. Автору надо было показать, что частное судоходство в те же годы или также возрастало, или оставалось неизменным, чего он не делает и сделать не может, так как размеры частного судоходства прямо зависели от степени обеспеченности морских путей. В некоторые годы риск плаванья таких судов был настолько велик, что купцы предпочитали платить высокие фрахты за государственные вооруженные галеры, чем подвергаться опасности пиратских ограблений. Из этого следует, что увеличение числа государственных торговых галер и рост фрахтов за них могут свидетельствовать не о росте морской торговли, а о ее сокращении, если учитывать при этом частное судоходство. Рост торгового судоходства за счет государственных галер в XV в. может отражать именно тот факт, что турецкая опасность в водах Средиземноморья быстро растет и частное судоходство на невооруженных или плохо вооруженных судах становится все более и более затруднительным.

Мы не хотим утверждать ни того, что роста морских торговых оборотов в первой половине XV в. не было, ни того, что такой рост был, а показываем только, что метод автора для доказательства тезиса о росте торговли Венеции в водах Восточного Средиземноморья не дает убедительных доводов. Для решения этого вопроса нужно более тщательное исследование, которое было бы построено на более широкой и разносторонней основе.

Наконец, автор пытается обосновать свой тезис об экономическом преуспевании венецианских колоний в XV в. финансовыми соображениями.

Для этой цели он использует данные о чрезвычайном налоге, введенном Венецией в своих колониях в 1439 г. На долю Крита приходилась сумма в 18 тыс. дукатов и, кроме того, на евреев этого острова — 12 тыс. «Эти цифры, — пишет автор, — сами по себе говорят в пользу экономического преуспевания романиотов в период с 1430 по 1450 г.» (стр. 412). Мы не можем согласиться с таким выводом. Эта сумма подлежала выплате в течение трех лет; следовательно, все феодалы Крита и их крепостные, равно как и все вилланы Коммуны, словом, все население Крита, кроме евреев, должно было платить ежегодно 6 тыс. дукатов. Наш автор называет эту сумму «кругленькой» (*la coquette somme*), но она не так уж велика, если сравнить ее с суммой ежегодных доходов венецианских нобилей. В известном завещании Томмазо Мочениго от 1423 г. речь идет о существовании в Венеции тысячи нобилей, получающих ежегодно от 700 до 4 тыс. дукатов чистого дохода⁶². В свете этого сообщения 6 тыс. критских дукатов представляются суммой, собранной с нищих по городу.

⁶² Текст документа помещен полностью у Кречмайра (H. K r e t s c h m a y r. *Geschichte von Venedig*. Bd. II. Gotha, 1905—1934, S. 617—619).

Наш автор, впрочем, приводит данные о приходной части венецианского бюджета за 1432—1435 гг., которые, и по его мнению, не свидетельствуют о процветании венецианских колоний, или, как он выражается, «les chiffres, qui dementent apparemment, l'impression de prospérité» (стр. 410). Это данные Цанкаруоло, которые автор считает основанными на официальных документах (стр. 411). Чтобы быть до конца объективным, ему следовало бы эти цифры сопоставить с данными от 1423 г., тоже официальными, все из того же «завещания» Мочениго. Мы сделаем такое сопоставление (см. таблицу). Из приведенных данных видно, что поступления от

Т а б л и ц а

Данные Мочениго от 1423 г.			Данные Цанкаруоло от 1432—1435 гг.		
источник поступления	дукаты (тыс.)	%	источник поступления	дукаты (тыс.)	%
Метрополия	774,0	48,0	Метрополия	613,7	55,8
Владения в Италии . .	464,0	28,8	Владения в Италии . .	306,1	27,8
Заморские колонии . .	376,0	23,2	Заморские колонии . .	180,0	16,4
И т о г о	1614	100	И т о г о	1099,8	100

заморских колоний за десятилетие «экономического преуспевания» упали в абсолютных цифрах более чем вдвое, а в относительных цифрах с 23,2 до 16,4%. Конечно, можно оспаривать цифры Мочениго, но Дж. Луццатто, работы которого Ф. Тирье ценит очень высоко, признает их отвечающими действительности⁶³.

Наш общий вывод по этому вопросу сводится к следующему: у нас нет оснований согласиться с автором, заявляющим, что в первой половине XV в. «колониальная экономика находилась в состоянии полного подъема» (*l'économie coloniale est en plein essor*), так же как и с другими похвалами в адрес Адриатической республики, которые он расточает на стр. 394.

* * *

Заканчивая рассмотрение книги Ф. Тирье, мы должны еще раз сказать, что работа эта представляет значительный шаг вперед по сравнению с названными выше общими сочинениями иностранных авторов по венецианской колониальной истории. Конечно, в книге есть и другие, преимущественно мелкие (кроме указанных здесь) недочеты, вроде, например, утверждения автора, что Тана важна была для Венеции главным образом как рынок по торговле рабами или что первая большая война между Венецией и Генуей началась в 1255 г. и т. п. Очень жаль также, что в книге нет полного списка использованных автором источников и литературы предмета — это затрудняет пользование его трудом в научных целях. По нашему мнению, однако, все это не помешает книге Ф. Тирье занять достойное место в историографии венецианского колониального мира

Н. П. Соколов

⁶³ G. L u z z a t t o. Studi di storia economica veneziana. Padova, 1954, p. 276.